

© 1995 г. Ю.С. СТЕПАНОВ

**БАБА-ЯГА, ЯМА, ЯНУС, ЯСОН И ДРУГИЕ.
К ВОПРОСУ О "НЕСТРОГОМ" СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
МЕТОДЕ**

Сравнительный, в частности сравнительно-исторический, метод – понятие настолько привычное, что исследователь в конкретной работе почти никогда не задает себе вопроса, подходят ли используемые им приемы под то, что называли этим термином хотя бы, скажем, тридцать лет назад (редкое исключение – статья О.Н. Трубачева [Трубачев 1988]).

Целью сравнительного метода является объяснительная реконструкция отдельного элемента или целой системы, не данных в непосредственном наблюдении. Но когда для достижения этой цели стали отделять "внутреннюю реконструкцию" от "внешнего сравнения", то – если, конечно, не ограничиваться общим термином "сравнение" – осталось ли неизменным понятие "сравнительный метод"? Когда, далее, стало общепринятым совокупные результаты, добытые как "внутренней реконструкцией", так и "внешним сравнением", проверять данными типологии, то как это возможно? Не несет ли в себе "сравнительно-историческое" нечто "типологическое" и наоборот – типология некую временную последовательность и "историю"? И, наконец, еще один вопрос. На протяжении всего XIX века сравнительно-исторический метод применялся – параллельно, но отдельно – в языкознании, мифологии и литературоведении; но когда три эти области стали соединяться нередко в одном и том же исследовании, то остался ли сам метод тем же самым, так сказать, "в языке" и "в культуре"? Мало-помалу накопился целый "пучок" вопросов, не нашедших еще, кажется, достаточно общего освещения.

Настоящая статья никоим образом не преследует эту претенциозную цель. Ее задача гораздо более скромна и конкретна: исследовать группу терминов – одновременно языка и культуры – названную в заголовке, но попутно все время обращать внимание на встающие при этом проблемы метода. Мы будем выделять возникающие на этом пути проблемные ситуации (обозначая их как I, II, III и т.д.).

I

1. Напомним первую такую проблемную ситуацию, которая была сформулирована и блестяще разрешена Э. Бенвенистом. Еще в 1937 г. в известной статье «Индоевропейское выражение "Вечности"» [Benveniste 1937] Э. Бенвенист показал, что рассматриваемый индоевропейский концепт тождествен понятию не просто о "вечном, бесконечно длящемся", а о "вечно юном, обладающем жизненной силой". Собственно, последнее – "жизненная сила, непреходящая и исчезающая и лишь передающаяся от одного существа к другому", – и есть первоначальное содержание этого концепта. Его формой служат две чередующиеся основы, так называемый "бином Бенвениста", благодаря сведению которых воедино и удалось обнаружить первоначальное тождество за огромным многообразием форм, разбросанных по разным языкам и, казалось, не имеющих между собой ничего общего.

1) Основа I содержит корень в полном виде и корневой, т.е. первичный, суффикс, *suffixe radical*, в редуцированном виде, в данном случае **ə₂eĭ-ц-*: греч. гомер. *αἰών* "сила жизни, источник жизненности" ("force de vie, source de vitalité"), первоначально всегда муж. рода, – деталь, важная для нашего дальнейшего рассуждения [Benveniste 1937: 107]; др.-инд. *āyu-* "жизненная сила", *āvū-* "подвижный, сильный", лат. *aeuius*, *aeuium* "время жизни, век", гот. *aiws* "время, вечность", греч. гомер. *ἀεί* (из **āFei*) "всегда" и др.

2) Основа II, напротив, содержит корень в редуцированном виде и корневой суффикс – в полном: **ə₂i-eц-*: лат. *iuuenis* "юный, юноша", первоначально – опять-таки деталь, важная для нашего дальнейшего рассуждения, – как имя существительное только муж. рода [Ernout, Meillet 1967: 331]; др.-инд. *yuvan-*, *yuvant-* "то же"; авест. *yu-* "то же"; ст.-слав., др.-русск. *юнъ*; русск. *юн*, *юный* и др.

Сосуществование двух указанных основ связано с ритмическим законом распределения тонов ("ударений") и, соответственно, полных и редуцированных морфем. Этому соответствует и семантическая закономерность: основы типа I тяготеют к значению отвлеченного имени существительного (почему, в частности, в данном случае в греческом и латинском от них производятся впоследствии существительные среднего рода со значением "вечность, век"), а основы типа II – к значению прилагательного.

2. Изложенные положения Э. Бенвениста служат исходным пунктом нашего дальнейшего рассуждения. Оно касается прежде всего значения и форм самого корня. Можно сказать, что проблемная ситуация остается при этом одной и той же, но лишь несколько расширяется.

Еще ранее, в 1935 г., Э. Бенвенист выделил названный корень в чистом виде: **ə₂eĭ-* (= **ai-*), но о его значении он ничего не говорил [Benveniste 1984: 157]. Этот корень, содержащий в первой позиции ларингальный **ə₂*, нотируется как **ə₂eĭ-* // **ə₂i-* // **ə₂iə-*. Его значением должно быть "нечто, вечно обладающее жизненной силой". Мы полагаем, что наиболее непосредственно он выступает в греческом обозначении "земли как порождающей силы" – *αἰα* (из **ə₂eĭ-* с суффиксом **-a-*). Мужским вариантом этого имени является *Αἰῶς* "Аякс", первоначально, по-видимому, "божество Земли" ("ein alter Erdgott", по выражению Я. Фриска [Frisk 1973: 30]).

Тот же корень в другой ступени, **ə₂i-*, должен был дать в греческом какое-то, в текстах реально не засвидетельствованное, корневое имя **iā* "жизненная сила; сила земли" – такого же типа, как дорич. *φῶά*, аттич. *φωή* "рост, становление" и "прирожденное, данное в человеке от природы, фигура, осанка, наружность, нрав"; *βία* "жизненная сила" (с несколько иным предсуффиксальным элементом); *γῆ* "земля"; *ἄγῶ* "удивление" и отсюда "зависть", "недоброжелательство" (соотв. аттич. формы с *-η-*).

При этом постулированном нами существительном следует ожидать в греческом какого-то бессуффиксального, первичного глагола, аналогичного (при другом корне – и.-с. **g^hi-* // **g^hi-*) литовскому *gyti* "выздоровливать, заживать" и русск. *жить*. Такой глагол действительно находим в *ἰάομαι* "целить, исцелять" (с долгим *-i-*), рядом с вероятной архаической атематической формой **iαμαι* (о ней см. ниже; это также форма с долгим *-i-*). Первичное значение указанного глагола следует определить как "наделять живительной силой; вливать жизненную силу" (а не через сомнительную, впрочем, в настоящее время обычно уже не принимаемую, ассоциацию с глаголом *ἰαίνω* "согреть").

II

3. Приведенные выше ассоциации сказанным не исчерпываются. Напротив, они могут быть расширены, хотя и более гипотетическими связями. Однако при расширении круга привлекаемых слов возникает новая, в т о р а я п р о б л е м н а я с и т у а ц и я, с которой оказывается связанным ряд новых гипотез.

Сформулируем нашу первую гипотезу, относящуюся к этой ситуации. В греческом языке семья слов, объединенных означенной выше семантикой корня **ə₂eḷ-* // **ə₂i-*, может быть расширена, но при этом формальные вариации корней привлекаемых слов представлены в более широком диапазоне, чем считается допустимым в "классическом" сравнительно-историческом методе; однако этот разброс все же имеет более или менее контролируемую черту, каковой является допущение в слове, помимо его фонемного сегментного состава, некоторого суперсегментного признака, прежде всего аспирации и ларингализации; этому допущению отвечает принятие – в плане парадигматики – "ларингальной" фонемы (или фонем), а также соответствующие представления об аспирированных фонемах. На последней черте (аспирации) мы остановимся ниже, а прежде – о ларингальной.

Здесь мы сразу хотим предупредить скептически настроенного читателя (как известно, допущение ларингальных открывает путь для слишком широкого сближения различных корней): мы не намерены очень широко пользоваться и злоупотреблять этим понятием. Скорее наоборот: мы принимаем ларингальный лишь в тех корнях (пожалуй, за одним только исключением, см. ниже), где он допускается другими исследователями. При этом мы рассчитываем далее показать, что ларингальный в таких случаях может принадлежать не корню, а иной части слова – вообще, слову в целом – и что, следовательно, мы имеем здесь дело с некоторыми явлениями, аналогичными тем, которые описываются законом Грассмана и законом Бартоломэ. Таким образом и возникает одна из тех общих проблем метода, о возможности которых мы упомянули вначале. Но прежде упорядочим исходные данные – рассматриваемая группа слов следующая:

(1) *αἰών* "жизненная сила, источник жизненности" (ларингальный постулируется Бенвенистом): **ə₂eḷ-i-*;

(2) *αἰά* "земля как источник жизненной силы" (ларингальный постулируется как следствие из данных Бенвениста): **ə₂i-a-*;

(3) *ἰόομαι* "вливать магическую силу, целить" (два ларингальных в этом корне постулировались Стертевантом, один звонкий /γ/, другой глухой глоттальный /'/:; правда, сам корень он, согласно одной из этимологий, представлял как имеющий еще и /s/ – **iγsa'-*; действием ларингальных Стертевант объяснял в этом слове "тонкое" придыхание и долготу начального *i-* [Sturtevant 1940: 86]): **iHsaH-*;

(4) *ἱερός* "наделенный магической, священной силой; священный" (ларингальный в начальной позиции постулируется Гамкрелидзе – Ивановым [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 801]): **eḷsHro-*;

(5) *οἶφω* "совершать половой акт, futuere" ("вливать жизненную силу") (ларингальный в начальной позиции постулируется Бикесом [Beekes 1969]): **ə₃iebh-//*ə₃eḷbh-*;

(6) *ἦβη* "юношеская сила, половая зрелость" (ларингальный в начальной позиции постулируется нами, – единственный случай "индивидуального авторства", – основания см. ниже): **jeH-g#-*.

4. Закон Грассмана явился выводом из большой работы этого автора, опубликованной в виде двух статей в одном номере "Журнала Куна" в 1863 г. [Grassmann 1863a; 1863b]. Он содержит две "статьи закона", которые соответственно гласят:

1) "Если дан корень с конечным придыхательным согласным и начальным согласным, способным принять аспирацию, и если также дано, что конечный элемент – в силу отдельного звукового закона – теряет аспирацию, то этот признак переносится на начальный элемент";

2) "Если даны две группы согласных в одном слове, разделенные гласным, и в этих группах согласных имеются аспирированные, то – при условии, что они находятся в пределах одного и того же корня, – один из этих согласных, в норме – первый, лишается признака придыхательности. Лишь sporadически (*vereinzelt*) это происходит в

том случае, когда придыхательные принадлежат разным корням или разным суффиксам или один согласный корню, а другой суффиксу, или же когда между названными группами согласных стоит более чем один гласный" [Grassmann 1863b: 110–111].

В последние два–три десятилетия закон Грассмана оказался одним из центров напряженного внимания индоевропеистов. Т.В. Гамкрелидзе свою многолетнюю (с 1972 г.) серию работ по этому и смежным вопросам завершает (совместно с В.В. Ивановым) следующей формулировкой: в соответствии с новой (указанных авторов) трактовкой фонологических явлений на индоевропейском уровне «"закон дезаспирации Грассмана" принимает совершенно иной смысл. Он рассматривается как чередование придыхательных и непридыхательных звуков на аллофонном уровне в системе индоевропейского консонантизма, а не как процесс дезаспирации аспирированных фонем, происшедший независимо друг от друга в древнеиндийском и греческом. (...) Тем самым процессы "дезаспирации" по закону Грассмана получают общее объяснение в древнеиндийском и греческом» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 23–24].

Так (для напоминания читателю ограничимся лишь одним примером), – индоевропейский архетип корня $*b^h e u d^h$ - следует восстанавливать не в таком именно виде, с последующей дезаспирацией рефлексов индоевропейских начальных звонких придыхательных фонем $*b^h$ и $*d^h$ независимо друг от друга в древнеиндийском и греческом, а как форму $*b e u d^h$ -, отразившуюся в др.-инд. в виде *bodh*-, а в греч. в виде $\beta \epsilon \upsilon \theta$ - в результате общей закономерности оглушения звонких фонем серии П, как придыхательных, так и непридыхательных их аллофонов [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 24] (ср. также иное начало этого подхода в работе [Norreg 1973]).

Предложенная трактовка обладает большой объяснительной силой и позволила достичь существенных обобщений. Однако и первоначальная авторская формулировка закона Грассмана, и круг его трактовок в современной лингвистике шире, и сейчас нам важно уяснить их именно в этой их широте. Мы обратимся с этой целью сначала к работе Н.Э. Коллинджа "Законы индоевропейского языка" [Collinge 1985]. Коллиндж отмечает, что первая из двух "статей закона" Грассмана в наши дни, особенно в американских течениях, связанных с порождающей грамматикой, стала трактоваться как "правило оттяжки придыхания" ("Aspirate Throw-Back"), и лишь вторая "статья" стала пониматься как "закон Грассмана" в узком смысле слова. (Это мы видим и в приведенной выше трактовке Гамкрелидзе – Иванова.)

Между тем в законе Грассмана важна также совокупность обеих его "статей". Именно их совокупность формулирует то более общее (в некотором смысле) условие, или общий фон, на основе которого совершается то, что описано во второй "статье" закона (и что стало пониматься как "закон Грассмана"). Дезаспирация является одним из проявлений "движения аспирации", в частности – "переноса" аспирации в пределах цельного слова или его части, и должна рассматриваться как суперсегментное явление (в частном случае как суперсегментная фонема). Совокупность двух "статей" закона Грассмана, по существу, формирует понятие фонетического облика слова как целого.

Именно такое понимание огромного значения закона Грассмана в этой его роли, при трудности формулировок в терминах фонемных соотношений или в терминах "правил" ("rules") генеративной теории, и отразилось, на наш взгляд, в двух новых тенденциях в его трактовке, которые – под другими, естественно, англо-саксонскими терминами – отмечает Н.Э. Коллиндж. Одну из них он обобщает как "diffusional variety", термин, трудный для русского перевода, поскольку при этом пришлось бы привлечь переложение большого фрагмента американской традиции; приведем поэтому фразу самого Коллинджа: "It is fashionable to seek a solution for spotty reflex phenomena in a differential diffusion of shift. Lexical grouping or declensional classing holds the control" [Collinge 1985: 54] – "В настоящее время стало модно искать обобщения для пестрых ("пятнистых") проявлений закона Грассмана по линии противопоставле-

ния различных языковых сфер: лексические группировки противопоставляются группировкам по формам словоизменения, и этому придают объяснительный характер". Другая новая тенденция в трактовке рассматриваемого закона состоит в том, что принимается вторичное сближение лексем, после осуществившегося фонетического изменения в их облике, – "by admitting relexicalization" [Collinge 1985: 56]. Этот принцип проводится в работах П. Кипарского [Kiparsky 1973a; 1973b], Д.Дж. Миллера [Miller 1974; 1977] и др., в то время как первый – у А.Х. Зоммерштейна [Sommerstein 1973], того же Миллера и др.

Итак, закон Грассмана мы трактуем в его широком смысле, обрисованном выше. При таком понимании сами явления "аспирации" и "дезаспирации" оказываются включенными в целый класс сходных явлений – глоттализации, ларингализации, фарингализации, слоговых интонаций, долготы ("количества") слога и т.д. Детальная разработка названных суперсегментных явлений дана Д.И. Эдельман в нашей совместной работе [Степанов, Эдельман 1976], где в качестве обобщающего термина для явлений этого класса использован не фонемный термин "суперсегментные", а фонетический, в некоторых отношениях более удобный, не предопределяющий "фонемных решений", термин резонансные явления. Принцип увязывания трактуемых таким образом суперсегментных (резонансных) явлений с сегментными изложен нами в работе [Степанов 1974].

Так понимаемый закон Грассмана относится не только к организации морфем (в частности, корня) и к организации "дискретной фонологии", т.е. парадигматики фонемной системы, но и к организации слога и слова в целом. По этой линии он связан с законом Бартоломе, по существу группируясь вместе с ним в один общий закон. Попытки объединения двух названных законов были в последние годы предприняты в работах А.М. Зуикки [Zwicky 1965], С.Р. Андерсона [Anderson 1970], Дж. Шиндлера [Schindler 1976], Т. Веннемана [Vennemann 1979] (а также П. Кипарского), обзор которых также можно найти в названной книге Н.Э. Коллинджа.

Отметим в заключение, что и уточнение хронологии действия закона Грассмана, по-видимому, может быть успешно сделано только на такой основе, т.е. при широком его понимании, с учетом слогового устройства рассматриваемого языка. Именно такой подход обосновывает Н.Н. Казанский в своей диссертации [Казанский 1990]. По мнению Казанского, этот закон может быть отнесен в греческом к так называемому "домикенскому периоду", т.е. к периоду до 1600–1200 гг. до н.э. (Ср. несколько иное мнение, – по-видимому, опять-таки в связи с несколько иным пониманием самого закона – в работе [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 23, сн. 2]).

Закон Грассмана имеет еще одну особенность, не замеченную, кажется, исследователями. При попытках его "строгого" истолкования обнаруживается некоторый круг – вряд ли его следует называть "порочным кругом", – присущий самой природе сравнительно-исторического метода. Этот круг обойден вниманием (или ускользнул от внимания?) даже такого тонкого методолога и защитника сравнительного метода в его неприкосновенной чистоте, как А. Мейе.

В первой главе, названной "Определение сравнительного метода", книги 1925 г., своего рода "символа веры", Мейе сопоставляет 14 числительных трех романских языков – французского, итальянского, испанского, начиная с этого определение метода. Приведенные формы, действительно, удивительно регулярны в своих совпадениях между языками. «Подобные совпадения, – говорит Мейе, – не могут быть случайными; они не случайны уже потому, что отличия одного языка от другого подчиняются определенным правилам соответствий (из чего выведенных? – Из совпадений слов. – Ю.С.): так, различие между *huit*, *otto* и *ocho* на первый взгляд велико, но оно не случайно, поскольку имеется целый ряд подобных соответствий, например, франц. *nuît*, ит. *notte*, исп. *noche* "ночь"..."» и т.д. (почему эти соответствия "подобны"? – Потому что подобны сравниваемые слова. – Ю.С.) [Мейе 1954: 12]. Правила соответствий устанавливаются на основе сравнения слов, признанных совпадающими. А почему слова признаются совпадающими? Потому что, при сходстве значений, в них

наблюдаются указанные соответствия. Из совпадений некоторой группы слов делается вывод об "определенных правилах соответствий", главным образом звуковых, между языками, а затем, путем применения этих соответствий к более широкой группе слов, делается вывод о совпадении слов этой группы. И т.д.

Закон Грассмана обнаруживает, что все это расширяющееся построение имеет некоторый предел, представляющий из себя не дискретную резкую границу, а некоторую "зону разброса". В материале самого Г. Грассмана, особенно в первой из двух его статей 1863 г., много таких примеров. Ограничимся только одной их группой (играющей некоторую роль в нашем дальнейшем рассуждении) – явлениями, связанными с отражением индоевропейского **bh-* в греческом. Согласно "соответствиям" строгого сравнительного метода, такое аспирированное *b* в греческом в определенных условиях – в начале слова, перед гласным или сонантом, а также в середине слова между гласными или между гласным и сонантом – должно давать глухой придыхательный *f* (φ): φράτηρ < **bhrāter*. Грассман, однако [Grassmann 1863a: 91–93], приводит довольно много и противоречащих примеров, где указанная индоевропейская фонема отражается то как *f* (φ), то как "чистое" *b* (β). Воспроизведем примеры Грассмана, указывая в скобках, что думают об этих парах слов современные авторы этимологических словарей греческого языка – П. Шантрэн и Я. Фриск (разумеется, они судят безотносительно к примерам Г. Грассмана):

а) βίβρος "ливень с грозой" – ἀφρός "пена", второе слово у Грассмана как параллель к др.-инд. *abhrá-* "пыль; облако, туча" (современные словари эту связь вообще не фиксируют, а по поводу первого слова Шантрэн [Chantraine 1968–1980: 796] замечает, что β может представлять здесь как **bh*, так и **b*; ср. также выше примеры 5 и 6);

б) στίβαρος "плотный, сбитый", στείβω "наступать ногой", στίβος "утоптанная дорога, протоптанная тропа" – στίφος, στίφρος "плотная группа людей, кораблей" (словари принимают точную связь этих слов, а следовательно, и двойное отражение смычного);

в) βρύω "надуваться жидкостью, соком, переливаться через край; изобиловать чем-л.", βλύω "кипеть, переливаться через край" – φλύω "наливаться соком, бить ключом" (заметим попутно, что тот же корень представлен в русск. *блевать, плевать*; оба словаря принимают сходство этих корней, уклоняясь от установления тождества между ними);

г) βᾶζω "говорить" – φᾶμί (аттич. φημί) "то же" (оба словаря отрицают какое-либо тождество или даже близость этих корней, видя в первом звукоподражание);

д) στέμνω "трясти, давить, грубо обращаться", στοβέω "бранить" – στέμνον "выжимки из оливок или винограда", στόμφος "напыщенная речь" (оба словаря принимают семантическое и формальное сходство этих корней, причем Шантрэн [Chantraine 1968–1980: 1051] считает чередование -μφ/-μβ необъяснимым и вообще сомнительным именно в качестве регулярного чередования, а Фриск делает примечательное заключение: "Колеблющейся форме этих слов отвечает столь же колеблющееся содержание" [Frisk 1970: 788]).

Собственно, такими же словами характеризуется вся маргинальная зона в применении сравнительно-исторического метода: колеблющейся, или вариативной, форме отвечает столь же колеблющееся (или вариативное) содержание. Конечно, это не соответствует "строгости" сравнительно-историческому методу, как его понимал, например, А. Мейе. Но не следует смешивать понятия "строгость" и "точность". В математике отношение $2 + 1 = 3$ является "точным", отношение $2 < 3$ "не точным, приближенным", но и то и другое "строги" в математическом смысле слова (как и вся теория неравенств).

Применительно к рассматриваемой здесь нами группе греческих слов (примеры 1–6) из всего сказанного вытекает следующий вывод: эти слова с большой степенью вероятности могут быть объединены в качестве производных от одного (вариан-

тивного) корня; пофонемная (дискретная) нотация этого корня затруднена, поскольку он может содержать как "дискретную" ларингальную фонему (которую можно нотировать, например, в виде ∂_2), так и некие резонансные рефлексы ларингального (например, долготу гласного) и/или аспирации, причем в "дискретной" форме, в виде отдельной фонемы, такой ларингальный может присутствовать в другой части слова (например, в суффиксе). Может быть, такую группу вариаций корня, сводимых к одному, следовало бы нотировать с начальным знаком H , который в таком случае означал бы не "дискретную" ларингальную фонему, хотя бы и обобщенную из трех ($\partial_1, \partial_2, \partial_3$ в традиционной нотации или \tilde{H}, H, H° в системе Гамкрелидзе – Иванова), а лишь представленный в "недискретном" (суперсегментном, резонансном) виде ларингальный рефлекс. Описанные таким образом отношения – как формы, так и семантики, – охватываемые маргинальной зоной сравнительно-исторического метода, можно было бы назвать "неточными" (хотя и "строгими" в определенном смысле слова) – "размытыми", fuzzy.

III

5. Лексические ассоциации, связывающие группу слов в пределах греческого языка (примеры 1–6 выше), могут быть прослежены за его границами, в нескольких других индоевропейских языках. Конечно, с точки зрения метода при этом возникает новая, третья проблемная ситуация, которую мы охарактеризуем ниже, а пока – сама группа. В нее включаются:

(7) В самом греческом, дополнительно к рассмотренным ранее, греческие имена, связанные с идеей "наделения целительной силой" – означающие как активных деятелей, "наделяющих", так и пассивных, "наделяемых", "благодатно наделенных"; 'Ιαμενός (пасс.) "Иамений" ("Иямен" – в "Илиаде"), 'Ιασος и 'Ιάσων "Ясон" (акт.) и мн. др. (см. ниже);

(8) Латинское имя бога Януса **Iānus* с кратким *a* (корень **ia-n-*); реально засвидетельствованная форма *Iānus* обязана своим долгим *a*, по-видимому, ассоциациям со словом *iānuā* "двери, ворота", восходящим к другому корню – и.-е. **iā-* (связанному с **ei-*) "идти" (др.-инд. *yāna-* "путь", лит. *jōti* "ехать верхом" и др.);

(9) Древнеиндийское имя мифологического существа Яма, *Yamā-* (**ja-ma-*);

(10) Русское (соответственно пра- и общеславянское *Ягá, Ягá-Баба, Баба-Ягá* (**ya-ga* из **ja-g-a* или **ja-gʰ-a*, ассоциировано также с лит. *jėgà* из **jeH-gʰ-a*).

Рассмотрим теперь эти пункты подробнее.

6. Греческие личные имена с общим значением "целитель" с суффиксом *-s-* (σ) восходят к уже упомянутому глаголу $\acute{\iota}\alpha\sigma\sigma\alpha\iota, \acute{\iota}\alpha\sigma\theta\alpha\iota$: 'Ιασος, 'Ιάσιος, 'Ιασίων, 'Ιάσων, 'Ιασεός, они регулярно вписываются в ряд личных имен на *-σος*: Δάμασος, 'Ελασος, 'Ερασος, Κόρεσος и др. От последних, имеющих почти всегда краткое *a*, они отличаются тем, что *a* в них допускает метрическое удлинение. В имени 'Ιάσων "Ясон", входящем в этот ряд, *a* всегда долгое, а иота краткая. Вообще, все имена этой семьи с долгим *a* должны возводиться к глаголу $\acute{\iota}\alpha\sigma\sigma\alpha\iota$, а с кратким – к атематическому * $\acute{\iota}\alpha\sigma\sigma\alpha\iota$ [Usener 1896: 156]. От последнего произведено, по-видимому, также и имя с "пассивным" значением "целителем хранимый, исцеленный" Иамений – 'Ιαμενός (Ил., 12, 193).

Имя Ясон было в Греции первоначально, вероятно, именем какого-то божества-целителя, как об этом свидетельствуют сохранившиеся эпитеты Аполлона-целителя – 'Ιασόνιος и Афины-целительницы – 'Ιασονία [Usener 1896: 156]; женской парой к Ясону является 'Ιασώ – богиня-целительница.

7. Латинское имя божества Янус, *Iānus*, род. п. *-ūs*, имеет три основные этимологии, соответствующие трем различным точкам зрения на природу самого этого божества.

1) Это имя божества "входа и выхода", "дверей и ворот", оно восходит к и.-е. **iā-*, связанному с корнем **ei-* "идти" (особенно подробно эта точка зрения изложена у Ж. Дюмезиля [Dumézil 1966]).

2) Согласно другой точке зрения, это имя не имеет этимологии, так как корень **iā-* в имени божества "входов и выходов", "переходов (особенно пеших)" представлен только в западном ареале, в то время как в восточном ареале фонетически тождественный корень зафиксирован лишь со значением "езды на чем-то" (лит. *jóti* "ехать верхом", слав. *jěxati* и др.), и эти два значения – западное и восточное – не поддаются сведению воедино (такова точка зрения А. Эрну и А. Мейе [Ernout, Meillet 1967: 305]).

3) Народная римская этимология связывала имя *Iānus* с *Diānus*. Это была мужская ипостась парного божества, женской ипостасью которого выступала Диана (*Diāna*, *Dīāna*), являвшаяся олицетворением луны, богиней растительности и родовспоможения. Кроме того, она была богиней перекрестков "трех дорог" и имела в соответствии с этим эпитет *Trīvia*. (Такая же тройная ипостась была у Дианы и в ее космическом масштабе, в этом смысле она называлась *Trīformis* "трехформенная": *Luna* – на небе, *Diāna* – на земле, *Necate* – в подземном царстве). Именно эта черта – "перекрестки" – связала ее с Янусом, двуликим богом "начала" и "конца", "входа" и "выхода" – тоже своего рода "перекрестка". Отождествлению способствовала и латинская фонетика, поскольку *ia-* может восходить к *dia-*. Согласно толкованиям самих римлян (засвидетельствованным у Варрона), имя Дианы восходит к *diuina Iāna* "божественная Яна", а Яна – супруга Януса. При любом из этих толкований Янус – Яна или Дианус – Диана оказываются парным божеством, связывающим различные сферы пространства или сферы мира. "Парен", двулик и сам Янус: одно его лицо обращено ко "входу", другое к "выходу" или, во временном плане, к "будущему" и к "прошлому". Он – бог первого месяца года Януария (*Iānuarius*), перехода от одного года к другому. Таким двуликим он и изображался на римских статуях. Этому его признаку соответствовал эпитет *Geminus* "двойной, близнецный". Наконец, в одной из версий связанного с ним мифа Янус предстал как устроитель и благодетель мироустройства (так у Овидия в "Фастах", I, 104 и сл.).

Целый ряд ассоциаций связывал Януса с богиней Кардой (*Carda*, *Cardea*) "богиней дверных петель и дверных косяков". Само это имя происходит от *cardo*, *-inis* муж.р. "дверная петля", далее "страна света" (ассоциации с Янусом, смотрящим в разные стороны, и с Дианой, соединяющей сферы мира). Последнее слово имело также значения "время года", "точка вращения, ось, центр". По одним версиям мифа Карда считалась возлюбленной Януса и защищала вход в дом от проникновения злых ночных посетительниц колдуний, похищавших детей из колыбелей и пивших их кровь. По другой версии (в "Фастах" Овидия), Карда сама была такой колдуньей.

Как бы то ни было, ассоциации Януса с дверями в римских верованиях были очень прочны, и, как мы уже сказали, долгое время *a* в его имени должно объясняться именно этим (переносом из слова, означающего "двери", другого корня).

Все перечисленные признаки Януса сближают его с древнеиндийским Ямой.

8. Древнеиндийское имя мифологического существа *Yamá-*, согласно обычно принимаемой этимологии, восходит к корню и.-е. **iet-* "близнец" и далее к глагольному корню **iet-* "соединять, соединять в пару" (так Ю. Покорный) [Рокоту 1959: 505]). Сюда же принадлежат лат. *geminus* "близнец", латыш. *jumis* "сдвоенный, сросшийся плод (например, орех)", "сдвоенный колос" и др. Мы, однако, полагаем, что эти связи – сами по себе бесспорные – относятся не к имени *Yamá-* в его первоначальном значении, а к семантическим ассоциациям называвшегося этим именем существа, точно так же как лат. *Iānus* не родственно по происхождению названию "двери", а лишь ассоциировано с ним.

Согласно предлагаемой этимологии, имя *Yamá-*, первоначально прилагательное, восходит к уже названному корню **a₂ei-* // **a₂i(ə)-*, означающему "эманацию живи-

тельной силы земли". Согласный *m* принадлежит не корню, а является суффиксом, в др.-инд. *-ma-*, который образует имена действия и имена деятеля, часто прилагательные муж. рода, ср.: *tigmá* "острый", *bhṛtmá* "страшный", *śagmá* "мощный", *yudhmá* "воитель" и т.п. [Whitney 1983: 437, § 1166]. *Yamá-* входит в стандартный деривационный ряд: имя с нулевой огласовкой корня → имя со ступенью гуна → имя со ступенью врддхи (ср.: *Yamá-* → *yāma* "относящийся к Яме", *yāma* "принадлежащий Яме", "южный" ["лежащий в стороне Ямы"]). Таким образом, корневое *a* в этом имени представляет не *a*, соответствующее индоевропейскому *e* (как было бы в случае производства от корня **jē-*), а др.-инд. *a*, соответствующее функционально нулевой ступени корневого гласного в санскрите. Соотношение с ав. *Yima* "Йима" (такое же мифологическое существо) и *yámá* дв. ч. "близнецы" – закономерно.

Были также предприняты попытки (Б. Линкольном) этимологически связать др.-инд. *Yamá-* с именем древнескандинавского мифологического гиганта Имир – *Ymir* и на этой основе реконструировать индо-германский миф о творении мира через жертву (Имира приносят в жертву его брат-близнец Ману [Lincoln 1975]). Этой области мы сейчас касаться не будем.

Паронимические ассоциации в указанном фрагменте очень сильны. Так, корню и.-е. **jē-* "связывать в пару" (а он в свою очередь "ассоциирован" с именем Яма) с другой стороны соответствует греч. *ἰμῶς* "узкий кожаный ремень, кожаная тесемка"; это последнее заставляет предположить существование в греческом корневого имени **ἰμῶ* [Chantraine 1968–1980: 464], а оно по значению и по форме, т.е. паронимически, полностью параллельно др.-инд. *jūá* "тетива лука" и лит. *gijà* "нить", от другого корня, и.-е. **gʷijā* (так Ю. Покорный [Рокоту 1959: 481]). При такой связи "остаточно" выделяется суффиксоподобное *m*.

Смысл имени *Yamá-* таков: "земной (т.е. человек, не бог), наделенный живительной силой земли". Это первичное значение имени соответствует тем чертам древнеиндийского мифа о Яме, где он называется "первым человеком", но не богом. Типологически такое же обозначение человека как "земляного, земного" находим в лат. *homo*, *-inis*, связанном с *humus* "земля, почва", и в лит. *žmogùs* при *žėmė* "земля".

Как и Янус, имеющий при себе Яну, Яма также имеет пару – Ями, которая в Ригведе трактуется как его сестра-близнец, а в Авесте Йима и Йимак – близнецы, брат и сестра, вступающие в инцест, становящиеся мужем и женой и первопредками всех остальных людей – своего потомства.

Яма, подобно Янусу и Диане, соединяет две сферы мира, но здесь это "пространство живых" и "пространство мертвых", Яма и является царем "мира мертвых". Сам он помещается в "мире мертвых", "нижнем мире", за рекой Вайтарани, которая, подобно греческому Ахерону, отделяет этот мир от мира живых.

У Ямы есть примечательный признак: одна нога у него "костяная", т.е. усохшая, лишенная мяса и сухожилий (по проклятию служанки Саварны, на которую Яма "поднял ногу"). Если ряд перечисленных выше черт сближают Яму с Янусом, то последняя – с русской Бабой-Ягой.

9. Русское Яга (соотв. праслав. **jaga* & балтослав. **jēga*) мы рассматриваем также как первоначально имя пары мифологических существ – мужского и женского, соответствующих, в самом общем виде, древнеиндийским Яма и Ями. В последующем в славянском культурном мире сохранилась лишь одна ипостась этой пары, женская, но первоначальная парность отражена в ее имени: Баба-Яга, из Яга-Баба, в отличие от "другого Яги", мужчины.

Согласно такой этимологии, слав. **jaga* ближайшим образом ассоциировано (знак &) с балт. **jēga* (лит. *jėgà* "сила", латыш. *jēga* "понятие, смысл", вероятно, из "способность понять, сила понимания"). Таким образом, в этой этимологии ведущим семан-

тическим признаком оказывается как раз "сила", "добрая сила", а не "злая сила", "болезнь", как в обычно принимаемой этимологии.

Согласно последней, **ęga, яга* – это персонифицированное удушье, кошмар. Строго говоря, праслав. **ęga* представляет собой в формальном отношении отглагольное имя, производное от некоего гл. **ęgt'i*, не засвидетельствованного непосредственно в праслав. [ЭССЯ. 6: 68–69]). Эта этимология продолжает линию, намеченную А.И. Соболевским в 1886 г. Возражая Ф. Миклошичу, который восстанавливал праслав. **jǣga*, Соболевский давал праформу **ǰga* и семантический признак "удушье" (в сопоставлении с греч. ἄγγω "сдавливать, душить", лат. *angustus* "тесный, сжатый, хилый") [Соболевский 1886: 150].

Общепринятая (приведенная выше) этимология не кажется нам неверной, но, по нашему мнению, она относится к другому слову (русск. *яза, язя*, ст.-слав. *ѡза*), представляющему другое мифологическое существо, лишь ассоциированное с Ягой в ее первоначальном облике (первичную, этимологическую связь между *яга* и *яза* отрицал еще А.И. Соболевский [Соболевский 1886: 150]). Общеизвестно, что в облике славянской, и в особенности русской, Бабы-Яги сочетаются по крайней мере три ипостаси – "добрая", "злая" и "яга-воительница" (из многочисленных работ на эту тему упомянем хотя бы [Пропп 1986: гл. III]). Данная этимология относится к "злой" ипостаси, в то время как наша – к "добрый". Вернемся к этой последней.

Мы уже сблизили русск. *язга* с лит. *jėgà*, которое, в свою очередь, прочно ассоциировано с греч. ἦβη "юношеская сила, половая зрелость" (ср. [Chantraine 1968–1980: 405; Frisk 1973: 620]), возводимым к и.-е. **jēgʷā*. Балтийское слово оказывается в некотором смысле "промежуточным звеном" между греческим и славянским. Но само оно требует некоторого разъяснения.

Лит. *jėgà* имеет циркумфлекс (акк. *jėga*), а латыш. *jėga* – акут. В литовском корне следует видеть древнюю метатонию акута на циркумфлекс. Возможно, она объясняется выравниванием общебалт. **jėga* в литовском по образцу других образований на ударное *-ga*, что должно было привести к осознанию корня как отпускающего с себя ударение, т.е. циркумфлексного. Количество образований на *-gà* в литовском кажется значительно ббльшим, чем в латышском (ср. лит. *eigà* "ход" против латыш. *eja* "то же").

Таким образом, мы можем реконструировать для обще- и прабалтийского **jėga* индоевропейскую праформу **jēgā* или **jēgʷā*, последняя – та же самая, что для греч. ἦβη, а первая – та же самая, что "присоединенная" к слав. *язга*; их более отдаленный прототип – и.-е. **je-Hgʷ-* (см. выше II, 3).

Каждое из этих трех слов в своем языке выступает как неразложимое в основе. Но можно также предположить, что элемент **-g- // *-gʷ-* является "первичным (т.е. ближайшим к древнейшему корню) суффиксом" ("suffixe radical", по терминологии Э. Бенвениста), хотя обычно мы находим его в виде вторичного суффикса, в частности присоединяемого к основам на **-en- // *-r-*. Так, в частности, в названиях различных ипостасей человека (и других живых существ): в русск. *муж*, праслав. **mqǣ* из **man-g-jo* [ЭССЯ. 20: 160–161]; в лит. *žmogùs* "человек".

10. Возникшая проблемная ситуация ("третья") как "ситуация семейных сходств". Чтобы лучше представить себе положение, в котором оказался при этом исследователь, просмотрим еще раз семантику разобранных примеров (хотя то же можно было бы показать и на их языковой форме). (Мы говорим здесь не о смыслах имен, а о существах, об "индивидах", которые ими обозначаются, об их "портретах"; поэтому имена берем в кавычках.)

"Янус" имеет с "Ямой" то общее, что и тот, и другой соединяют две сферы мира (либо "прошлое" и "будущее", либо "то, что сзади" и "то, что впереди", либо "царство

мертвых" и "царство живых"), но, например, понятие "костяной ноги" не имеет сюда никакого отношения.

"Яму" объединяет с "Бабой-Ягой" прежде всего именно "костяная нога", между тем как идея "перехода от мира живых к миру мертвых" (в случае "Бабы-Яги" – это ее избушка, которая поворачивается к герою сказки то передом, то задом, открывая ему проход куда-то дальше) представлена очень расплывчато.

"Януса" сближает с "Бабой-Ягой" то, что он – в лице своей "пары", Дианы или Карды, – то охраняет детей от ночных колдуний-похитительниц и кровопийц, то, наоборот, допускает их к детям (или даже сама Карда нападает на них), точно так же, как Баба-Яга, выступая то "доброй", то в "злой" своей ипостаси; в то же время другие признаки у них или различны, или представлены очень слабо.

Перед нами семантическая ситуация, которая – как мы теперь начинаем видеть – уже достаточно хорошо описана с логико-философской точки зрения под названием ситуации "семейных сходств".

Мы имеем в виду явление, описанное Л. Витгенштейном в его "Философских исследованиях" (1953 г.) на примере употребления слова "игра". «/66/ Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем "играми". Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? (...) Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. – Все ли они "развлекательны"? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыш, всегда ли присутствует элемент соревновательности между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует..." и т.д. "И так, – заключает Витгенштейн, – мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними. А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом.

/67/ Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их "семейными сходствами", ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. – И я скажу, что "игры" образуют семью» [Витгенштейн 1994: 110–111].

Но если эта логика является основой нашей исследовательской ситуации (что, несомненно, так) – "лежит под ней", "подстигает ее" (underlies it), то что "лежит под" процедурой Л. Витгенштейна, посредством которой он приходит к своему выводу? Имеется ли у нее какое-то специфическое основание?

Да. "Значение слова есть совокупность его употреблений", а также "совокупность правил, управляющих операциями употребления слова", – вот тезисы, составляющие это основание. Конечно, это нечто совершенно иное, чем понимание "значения слова" во времена Мейе.

Метод сравнения, сфера его применения и лежащие под ним более элементарные понятия (такие, как "значение слова") гармонизированы относительно друг друга, и в настоящее время они существенно иные, чем во времена "классического" сравнительно-исторического метода Антуана Мейе.

Интересно заметить, что и само понятие языкового родства точно так же гармонизировано относительно всех названных выше. "Теория волн" И. Шмидта, сформулированная еще в 1872 г. [Schmidt 1872] и лишь постепенно осознаваемая во всем своем значении (см. об этом, в частности, [Макаев 1964]), в настоящее время должна быть оценена как частный случай проявления принципа "семейных сходств". Способ определения родства между языками у И. Шмидта поразительно сходен со способом определения значения слова "игра" у Л. Витгенштейна. Но это уже должно стать предметом отдельного обсуждения.

11. Наконец, четвертая проблемная ситуация в нашем фрагменте возникает тогда, когда мы хотим последовать за семантическими ассоциациями культурных концептов, не находя при этом никакой опоры в сходстве выражающих их имен. Наша группа терминов расширяется: в нее "проятся" божества и другие мифологические существа, по своим признакам явно те же или близко родственные, тогда как имена их не имеют между собой ничего общего.

Вообще, в лексике религиозных установлений и культов это достаточно общая ситуация, и мы не хотим сказать о ней ничего нового, кроме того, что она в к л ю - ч а е т с я в ряд некоторых ситуаций, расположенных по нарастаюнию одних признаков и убыванию других. (Сами исследовательские ситуации предстают как связанные отношениями "семейного сходства").

Еще тот же А. Мейе отмечал: "Если оставить в стороне небесные светила, как солнце, луну, или явления природы, как заря, гром, огонь и т.д. (...), то мы не найдем ни одного общеевропейского названия божества (...). Нигде лексики индоевропейских языков не расходятся так разительно, как в терминах, касающихся религии, вероятно, потому, что у каждого племени были свои особые культы [Мейе 1938: 400–401] (ср. также идею С.Г. Проскурина об уникальности некоторых культурных концептов вообще, проведенную им применительно к англосаксонскому понятию "загробного мира" [Степанов, Проскурин 1993: 17 и сл.]).

Ж. Одри, продолжая рассуждение А. Мейе, идет так далеко, что делает смелое обобщение: "В этой области реконструируют означаемое, не имея возможности реконструировать означаемое, которое его выражает" [Одри 1988: 119]. Действительно, такие ситуации можно констатировать в некоторых работах (ср., например, [Топоров 1963], где устанавливаются параллели к образу русской Бабы-Яги в хеттском погребальном ритуале), но, конечно, это крайний случай, и вывод Одри – тоже крайний.

Обычно ситуация предстает как ситуация "семейного сходства", охарактеризованная выше, и семантические признаки и их языковое выражение передаются волнообразно (ср. "теорию волн" И. Шмидта), но тем самым не исчезают совершенно – следы "означающего" остаются.

12. Подобная ситуация имеет место при исследовании ассоциаций, вовлекающих "Бабу-Ягу" в мифологические образы западного ареала.

Так, А.А. Потебня включает Бабу-Ягу в такие ряды германской мифологии, как, с одной стороны, Гольда [совр. нем. Holle, Hulle и др.] (смерть и владелица царства мертвых) – Берта [Berta, Berchte] (кроткая, милостивая, благосклонная), с другой стороны, общие германским и славянским верованиям Марена – Мара – Мора [представленная также, по нашему мнению, во фр. *cauchemar* "кошмар"] (смерть, кошмар) и, наконец, Марена – Лиса – Яга (см. [Потебня 1865]).

Различие между Гольдой и Бертой, другая ипостась которой – Перхта (Perchta, Perhta), – отчасти локальное: Гольда господствует в Средней Германии (Mitteldeutschland), а Берта-Перхта – в Верхней (Oberdeutschland) (см. детальные материалы в [Handwörterbuch. 1927–1942. VI: 1478 и сл.]).

Сопоставляя Бабу-Ягу с германской Бертой-Перхтой, Потебня отметил две важные для нашей темы черты. Во-первых, постоянный опознавательный признак той и другой: о д н а н о г а – н е о б ы ч н а я , с т р а ш н а я . У Бабы-Яги она костяная или железная, у Берты – шире другой (и при этом "железный нос", – кажется, что признак "необычности материала", из которого составлены члены тела, – "плавающий", в данном случае он переходит на нос). В некоторых версиях легенды о Берте эта деталь мотивируется: она, будто бы, от вечной работы на прялке. Потебня отвергает это народное толкование, указывая, что прялка с ножным приводом была изобретена не ранее XVII в. Но связь Берты с прядением и, кроме того, с плугом,

плодородием земли, вообще с з е м л е й, остается. Во-вторых, Потебня в доступных для его времени пределах все же прослеживает и с в я з ь и м е н: Berta – Berchte (Frau Berchte) – Pērahta (так в нотации Потебни) имеют осевым признаком значения "светлая, блестящая". Заметим, что это подтверждается и детальным обследованием германских историков культуры, указывающих на легкость перехода языческого облика Перхты в христианский праздник "дня епифании" (Eiphaniastages) по признаку ее "сияющего явления" [Handwörterbuch 1927–1942. VI: 1485].

Эту последнюю черту мы в настоящее время имеем возможность проследить далее благодаря работе А.А. Королева "Brigit – древнейшая богиня индоевропейцев?" (тезисно опубликована в [Королев 1993]). Именем Brigit назывались несколько богинь древних ирландцев-язычников – покровительницы искусств, ремесел и поэзии; епископ Кормак (в "Глоссарии") отмечает, что этим именем у язычников назывались богини вообще. А.А. Королев возводит это имя к образованию на *-nt-* от корня и.-е. **bherǵh-* "высокий": **bhrǵhnt* букв. "возвеличенная, вознесенная", основываясь, как кажется, в значительной степени на значении соответствующего древнеиндийского эпитета, широко представленного в Ригведе, – *bṛhatī* "высокая, возросшая, значительная" (соотношение с формой муж. рода на *-ant-* все же интересно было бы разъяснить).

Далее, вслед за известными работами Г. Оттена, А.А. Королев связывает Бригиту с хеттским божеством Парга, одним из важнейших в пантеоне Канеса; но его функции и атрибуты остаются неизвестными. А.А. Королев заключает: "Староассирийские варианты написания *Pár-ga*, *Pár-ku*, *Pá-ar-ga*, *Pi-ir-ga* в отличие от хеттской стандартной орфографии *Pár-ga*, *Pár-ka* позволяют с большой долей уверенности предложить фонетическое чтение /bɪga/ из старого **brǵhā* без суффикса, однако синонимичного **bhrǵhnt* в других индоевропейских языках" [Королев 1993: 7].

Однако наряду с этой этимологией можно предложить и другую – от корня и.-е. **bherǵ-* // **bhrǵ-* "блестящий, сияющий, белый", от которого имя нем. Berta и Perhta (а также рус. берёза), что, как уже было сказано, в немецких преданиях связывается со смыслом "сияющая". В таком случае Бригит, описанная А.А. Королевым, оказывается вариантом "Белой Богини", постулируемой Р. Грейвзом [Graves 1961].

Но также вполне естественно допустить – в исходной этимологии – контаминацию обоих имен, что вполне соответствует и общей черте описываемого нами фрагмента.

В любом случае (при любой этимологии) мы имеем здесь дело с особой лингвистической проблемой, с так называемой "причинной историей" (causal history) имени. Почему китов называют "рыбами" (англ. whale-fish, рус. рыба-кит)? Потому что такого "причинная история" их имен, потому что такое имя им дали при первоначальном "акте крещения" (см. подробнее [Холл Парти 1983]). Но это – особая область, которую неуместно обсуждать в рамках этой статьи.

Нужно только заметить, что она тесно связана с проблемой метода и что ее, конечно, не знали во времена "классического" сравнительно-исторического метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витгенштейн Л. 1994 – Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.
 Казанский Н.Н. 1990 – Проблемы ранней истории древнегреческого языка (языковая реконструкция и проблема языковой нормы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990.
 Королев А.А. 1993 – Brigit – древнейшая богиня индоевропейцев? // Язык и культура кельтов. СПб., 1993.
 Макаев Э.А. 1964 – Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.
 Мейе А. 1938 – Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л., 1938.
 Мейе А. 1954 – Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
 Одри Ж. 1988 – Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропейистике. М., 1988.

- Потебня А А* 1865 – О мифическом значении некоторых обрядов и поверий П Баба-Яга // Чт в О-ве истории и древностей росс при Моск ун те 1865 Кн III
- Пропл В Я* 1986 – Исторические корни волшебной сказки Л , 1986
- Соболевский А* 1886 – Этимологические заметки Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Von Franz Miklosich Wien, 1886 // ЖМНП 1886 Сентябрь
- Степанов Ю С* 1974 – О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // ВЯ 1974 № 5
- Степанов Ю С, Проскурин С Г* 1993 – Константы мировой культуры Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия М , 1993
- Степанов Ю С, Эдельман Д И* 1976 – Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира М , 1976
- Топоров В Н* 1963 – Хеттская SAIŠU GI и славянская баба-яга // Институт славяноведения АН СССР Краткие сообщения 38 М , 1963
- Трубачев О Н* 1988 – Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей Теория лингвистической реконструкции М , 1988
- Холл Парти Б* 1983 – Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика / Сост Ю С Степанов М , 1983
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред О Н Трубачева Вып 1 – М , 1974 –
- Anderson S R* 1970 – On Grassmann's law in Sanskrit // Linguistic Inquiry 1970 V 1
- Beekes R S P* 1969 – The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek La Haye, P , 1969
- Benveniste E* 1937 – Expression indo-européenne de l'éternité // BSL 1937 T 38, fasc 1
- Benveniste E* 1984 – Origines de la formation des noms en indo-européen 5-eme tirage P , 1984
- Chantraine P* 1968–1980 – Dictionnaire étymologique de la langue grecque Histoire des mots T I–IV (1, 2) P , 1968–1980
- Collinge N E* 1985 – The laws of Indo-European Amsterdam, Philadelphia, 1985
- Dumezil G* 1966 – La religion romaine archaïque P , 1966
- Ernout A Meillet A* 1967 – Dictionnaire étymologique de la langue latine Histoire des mots 4 eme éd , 2-ème tirage P , 1967
- Frisk H J* 1970–1973 – Griechisches etymologisches Wörterbuch Bd I Heidelberg, 1973, Bd II, Heidelberg, 1970
- Grassmann H* 1863a – Ueber die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln // KZ 1863 Bd XII
- Grassmann H* 1863 b – Ueber das ursprüngliche Vorhandensein von Wurzeln, deren Anlaut und Auslaut eine Aspiration enthielt // KZ 1863 Bd XII
- Graves R* 1961 – The White Goddess: A historical grammar of poetic Myth L , 1961
- Handwörterbuch 1927–1942* – Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg von H Bächtold-Stäubli Bd 1–10 Berlin, Leipzig, 1927–1942 (Reprint–Berlin, N Y , 1987)
- Hopper P J* 1973 – Glottalized and murmured occlusives in Indo-European // Glossa 1973 V 7, 2
- Kiparsky P* 1973a – On comparative linguistics. the case of Grassman's law in Greek // Current Trends in Linguistics / Ed by T A Sebeok The Hague, 1973
- Kiparsky P* 1973b – Abstractness, opacity and global rules // Three dimensions of linguistic theory / Ed by O Fujimura N Y , Tokyo, 1973
- Lincoln B* 1975 – The Indo-European Myth of Creation // History of religions V 15. Chicago, 1975
- Miller D G* 1974 – Some problems in formulating aspiration and deaspiration rules in Ancient Greek // Glossa 1974 V 8, 2
- Miller D G* 1977 – Some theoretical and typological implications of an IE root structure constraint // Journal of Indo-European Studies 1977 V 5
- Pokorny J* 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, 1959
- Schindler J* 1976 – Diachronic and synchronic remarks on Bartholomae's and Grassmann's laws // Linguistic Inquiry 1976 V 7
- Schmidt J* 1872 – Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen Weimar, 1872
- Sommerstein A H* 1973 – The sound pattern of Ancient Greek // Publications of the Philological Society 23 Oxford, 1973
- Sturtevant E H* 1940 – Evidence for voicing in Indo-Hittite γ // Language 1940 V 16, 2
- Usener H* 1896 – Götternamen Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung Bonn, 1896
- Vennemann T* 1979 – Grassmann's law, Bartholomae's law, and linguistic methodology // Linguistic method. Essays in honor of H Penzl / Ed by I Rauch and G F Carr The Hague, 1979
- Whitney W D* 1983 – Sanskrit Grammar Delhi, 1983 (Reprint of the 5-th ed , Leipzig, 1924)
- Zwicky A M* 1965 – Topics in Sanskrit phonology Diss Cambridge (Mass), 1965